
ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНІ ТА ЕТНОЛІНГВІСТИЧНІ СТУДІЇ

БОР Л.С.*(Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского)***УНИКАЛЬНОСТЬ РУРСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ**

The Ruhr, an urban area in North Rhine-Westphalia in Germany, has its own unique history. Ruhrdeutsch, the regional colloquial variety of German spoken in the Ruhr area represents the results of living together of the various ethnic groups. The variety is rich in loanwords, that are already a part of Ruhrdeutsch itself but came from languages of people settled down in the Ruhr area. Such a sociolinguistic process mirrors the close interaction between ethnic groups in this region.

Keywords: Ruhrdeutsch, sociolect, ethnic group, loanword, Ruhr area.

Современный мир характеризуется не только тенденцией к расширению и углублению международных контактов, но ростом межэтнических связей внутри одного государства, области или города. Рурский промышленный регион Германии представляет отдельный интерес для социолингвистических и этнолингвистических исследований, являясь искусственно созданной зоной единого экономического уровня, гомогенной социальной средой, собственным производственным вариантом немецкого языка и уникальной культурой индустриальной области. В 2010 году, согласно решению специальной комиссии Евросоюза город Рурского региона - Эссен стал культурной столицей Европы 2010 года. промышленная развитость региона послужила причиной целого ряда миграционных потоков, однако, схожий образ жизни, тесное межэтническое общение не просто способствовало взаимопроникновению культур, но и легло в основу появления собственного варианта немецкого языка, так называемого, Рурского немецкого. **Целью** исследования является рассмотрение лексического своеобразия Рурского варианта немецкого языка в этнолингвистическом аспекте. Поставленная цель обуславливает необходимость выполнения ряда **задач**: рассмотрение истории возникновения, развития и этнического разнообразия Рурского промышленного региона, изучение производственных и лексических особенностей Рурского варианта немецкого языка, анализ заимствований в Рурском немецком из языков проживающих в данном регионе этносов. **Предметом** исследования явился Рурский вариант немецкого языка. **Объект** исследования связан с социальной природой языка и представил собой работу в области этно- и социолингвистики.

Область Рурского металлургического бассейна более 150 лет является экономически обособленным регионом. Современное значение топонима Рурский регион – Ruhrgebiet подразумевает на много большее, чем географически обособленную площадь на основе единства ландшафта. Данный промышленный район Германии с трудом можно охарактеризовать как единую структуру, «это не территориальное и не административное единство» [Mihm 1995,S.21], что соответственно усложняет задачу определения чётких пространственных рамок. Условные границы региона простираются на западе от городов Моерс и Дуйсбург, на востоке от городов Унна и Хамм, северным пределом считается река Липе, южным – Рур. Название Рурского региона в немецком языке имеет одинаково часто

употребляемые варианты: Ruhrgebiet, Ruhrkohlenrevier, Ruhrkohlenbezirk, Rheinisch-Westfälisches Industriegebiet, Revier, Ruhrpott, Kohlenpott [Dege & Dege 1980, S.9]. Путеводители нередко сравнивают Рурский регион с Северной Америкой на основании быстрого темпа развития и нехватки исторической базы, что делает эту географическую область совершенно новой категорией, которая не вписывается в стандартные представления европейцев о развитии города или региона [Blotevogel 1998, с.10].

Первые упоминания о Рурском промышленном регионе относятся ещё к 1296 году и связаны с добычей каменного угля, использовавшегося тогда в сельскохозяйственных целях. Вплоть до 18 столетия добыча полезных ископаемых носила бесконтрольный и хаотичный характер. Начало индустриализации привлекло внимание прусского правительства к добыче каменного угля в этом регионе. В 1850 году Рурский промышленный регион стал одним из ведущих в области сталелитейного дела и тяжёлой промышленности мирового значения, что повлекло за собой приток рабочей силы. Уже к середине 19 века маленькие цеха выросли в большие заводы. Прирост населения в Рурском регионе в период с 1816 до 1839 г. составил 55,9% [Wiel 1970, с.113]. Следующая волна переселенцев пришла на 60-е годы 19 в., когда горное дело и металлургическая промышленность в Рурском бассейне достигли максимального уровня развития. Рабочие приезжали из Зауэрланда, Зигерланда, Гессена, Саксонии, Шлезии, Эйфеля, Рейнланда, Голландии и Италии. Начиная с 1870 г. приток населения из близлежащих регионов уменьшился, зато возросло число иностранцев.

Следующая фаза увеличения численности рабочей силы пришла на 1880 г. и была связана с ростом так называемой Эмшерской зоны (территории вдоль реки Эмшер). Расселение переселенцев в тот временной отрезок основывалось на принципе религиозной принадлежности: в города Ванн и Оберхаузен съезжались преимущественно католики из Западной Пруссии, Познани и Польши, в Гельзенкирхен устраивались на работу к фабрикантам Фридриху Грилло и Эмилю Киркдорфу евангелисты из Восточной Пруссии [Busch 1997, с. 177], в период с 1885 до 1990 их число возросло с 30.000 до 166.700 рабочих. Подобная профессиональная селекция способствовала гетерогенному распределению рабочей силы.

Таким образом, в Рурском промышленном регионе проживали переселенцы из близлежащих земель Германии, голландцы, итальянцы, русские, украинцы, мазуры, касубы, поляки. Современная этническая картина региона дополнена переселившимися уже после пика индустриализации греками, турками, французами и, не столь многочисленными, англичанами.

Рурский регион стал быстро восприниматься обособленной общностью, причиной тому было не только этническое родство основной части некогда съезжавшихся в поисках работы жителей из Прусских провинций и не только социальная монокультура рабочих, но и отношение правительства к Рурской области как к единому целому, за которым требовалось тщательное наблюдение как за политически ненадёжным регионом с высоким революционным потенциалом. В политических отчётах нередко вместо конкретного перечисления городов и пригородов упоминался Рурский регион, всё чаще ассоциирующийся с маргинальным и нестабильным. По сути дела понятие Рурский регион (Ruhrgebiet) – это «аналитическая фикция» [Strubelt 1999, с.183], возникшая на основе агломерата угольной и сталелитейной промышленности [Bützin 1995, с.4-12].

Чувство социального родства, подкреплённого единой географической областью проживания, повлекло за собой возникновение самостоятельного региона с собственной культурой и речью. Единство Рурского региона не смогла расколоть современная промышленная децентрализация области, экономическое разделение восточной и западной части с центрами в Дюссельдорфе и Эссене. Это обосновывается главным образом тем, что за годы расцвета индустрии, первостепенным было социальное единство, а не группирование по месту проживания, доминантной была именно сфера, а не место работы [Aschauer, Becker, Felgentreff 1999, с.91-102]. Носители разных культур, представители различных этносов были объединены общими обстоятельствами – в поисках заработка и новой, более благополучной жизни все они некогда приехали в Рурский металлургический бассейн. К числу основных стереотипов Яноса относят следующие: «...большинство жителей Рурского региона носят польскую фамилию на –ски или –чик, дома едят гороховый суп, у них толстые жёны и малообразованные дети, их свободное время проходит за просмотром телевизора и распитием пива прямо из жестяных банок, которые выбрасываются в окно. Большинство из этого чушь, но некоторое правда.» [Janosa 1998, S.10] Современный Рурский промышленный регион имеет другой облик, с 60х годов повсеместно открываются университеты, политехнические училища, специализированные школы, начинается более заметное социальное расслоение, модернизация культуры и образования, однако тем не менее для большинства жителей других областей Германии Рурский регион имеет прежний «негативный имидж» [Aschauer, Becker, Felgentreff 1999 с.87-90]. Ещё в конце 80х многие сомневались в том, что единый регион не распадётся после спада угольной и сталелитейной промышленности [Aring, Butzin 1989, с.360], утверждая, что «типичный местный житель» вскоре перестанет существовать. Однако спустя поколения после промышленного кризиса, когда число шахт значительно сократилось, самосознание жителей Рурского региона не изменилось, единая социальная культура осталась прежней. Больше чем 2/3 жителей, не зависимо от этнической принадлежности, стремятся быть истинными «рурцами», осознавая свою исторически выросшую идентичность, «индустриальную культуру». Подобная ситуация отслеживается не только в Рурском регионе, так как агломерация больших городов, своим возникновением благодарная только одной причине, сегодня осознанно считается единой силой [Tenfelde 2002, с.25]. Возможно, определённым катализатором на начальном этапе формирования региона, затронувшим все проживающие в Рурской области этносы, были некая массовая эйфория, стремление к сплочённости и достижения единой цели путём общего, совместного труда.

Представители различных этнических групп стали одной культурной общностью, особенность которой, по словам Элиота, состоит в том, что люди разных национальностей живут вместе и говорят на одном языке, так как говорить на одном языке значит думать иначе, чувствовать и воспринимать иначе, чем люди другой языковой общности [Eliot 1961, с.137]. В этнолингвистическом калейдоскопе Рурского региона возник субстандартный речевой вариант, который развился из изначального диалекта этого региона под действием социальных факторов и взаимоинтеграции этнических групп в собственную форму речи – Рурский вариант немецкого языка, так называемый «Рурский немецкий».

Рурский немецкий нельзя назвать исключительно региолектом или социолектом, это своего рода «региональный феномен» - считает Беллман. [Bellmann 1983, с.124.], возникший 150 лет тому назад на основе региолекта под влиянием социо- и

этнолінгвістических факторов. Субстратом Рурского немецкого послужили нижненемецкие диалекты регионов нижнего Рейна и Вестфалии. В первую очередь влияние было оказано на произношение, фразовое построение и лексику. Типичным произносительным признаком нижненемецких диалектов, перешедшим в Рурский немецкий, является изменение -s в конце слова на -t, например: *wat, dat, et, kleinet* вместо *was, das/dass, es, kleines*.

На морфологическом уровне – это уменьшительно-ласкательные суффиксы -ken, -sken вместо -chen, например: *Mäusken* (*Mäuschen*), *Stücksken* (*Stückchen*).

Грамматический уровень проявляется в типично нижненемецкой неуверенности в падежах, когда не определяется разница между дативом и аккузативом, например: *Gib mich den Tee*.

В лексике Рурского немецкого тоже присутствует влияние нижненемецких диалектов - *Kusselkoppn* (*Purzelbaum*), *Pütt* (*Brunnen*), правда употребляется со значением «шахта»; *knibbeln, frickeln, fuckeln, prockeln, pervonsieren*.

В становлении Рурского немецкого участвовали не только нижненемецкие диалекты мигрантов из близлежащих земель Германии, но и языки представителей других этнических групп: польский, словенский, русский, итальянский, голландский, заимствования из «ротвельша» (арго немецкого языка, называемое ещё «цыганским немецким»), в последнее время турецкий и французский.

Наиболее активное влияние на данный региональный вариант оказала польскоязычная часть населения – поляки, мазуры, касубы. Наиболее распространёнными лексическими единицами, заимствованными из польского являются, например, такие как:

Mottek (*młotek*) = (*Bergmanns-*)*Hammer* (кирка),

Matka = *eine ältere Frau* (исходно в польском слово имело значение «мама», но в Рурском немецком укоренилось как обращение к пожилой женщине),

Galotte = *graue lange Bergmannsunterhose* (подштанники, часть формы одежды горняков),

zimno = *kalt* (холодно, имеет оттенок того, что говорящий не ожидал такой низкой температуры),

ballern = *Alkohol unkontrolliert und unmäßig zu sich nehmen* (много выпить, изначально произошло от польского *balować* - вечеринка).

В Рурском варианте немецкого языка можно наблюдать также заимствования из русского. Обычно лингвистическая интеграция русских в Германии оставляет след в первую очередь искажёнными немецкими лексическими единицами в русском языке (*социал, анруфывать, термин, заферзихероваться*) и нарушением стилистических норм родного языка (*закупаться, ейный, тама*). В Рурском немецком можно проследить несколько иное явление – возникновение слов, заимствованных из русского языка, связанных преимущественно с процессом работы:

Rabotti = *arbeiten!*, *lasst gehen!* (повелительное наклонение, работать!)

Lutsche = "*volle Lutsche*" - *mit aller Kraft* (сильнее, смысловой оттенок максимального приложения физической силы)

Представители украинского, нередко украино-польского населения также внесли свои лексические единицы в Рурский немецкий, например, *Duppa* = *menschliches Hinterteil, Po, Hintern*.

Влияние турецкого языка отражается в таких словах как:

Eschek = Allgemeinbezeichnung für Personen, die einem nicht sonderlich sympathisch sind (слово несёт негативную оценку того, к кому оно относится. Изначально появилось от турецкого *eşek* – осёл)

Aische = junge türkische Frau (обращение к молодой турчанке, произошло от турецкого женского имени)

Tussi = Mädchen, das häufig den Freund wechselt (девушка, часто подразумевается несерьёзная или лёгкого поведения)

Многие итальянцы переехали в Рурский промышленный регион в поисках работы, поэтому не удивительно наличие в местном варианте немецкого языка заимствований из итальянского:

pickobello/schickobello = tiptop (всё замечательно)

allet paletti = alles klar (всё в порядке)

Bello = großes Teil (большая часть)

Monte Schlacko = Schutthalde (отвал породы, осыпь)

Mamma mia! – универсальный возглас, передающий широкий спектр эмоций: удивление, восхищение, досаду, неожиданность, желание привлечь к себе внимание.

leckoballo = Ausruf des deutlichen Erstaunens (восклицание, выражающее удивление)

pille-palle = einfach (проще простого)

Не столь многочисленны заимствования из французского (*Lamäng* = запястье; *die Haute Wollaute*, от *la haute vole* = высший слой общества), голландского (*Verdorri* – чёрт побери!), английского (*Örni*, от англ. *Ernie* – толстая, объёмная, большая часть; *Kornebeff*, от *Corned Beef* - солонина; *Böffstück*, от *Beefsteak* - бифштекс), испанского (*mit Karacho* = быстро, на высокой скорости) и ротвельша (*Maloche* – работа, физический труд; *Massel* – удача; *Schickse* – девушка, имеет оттенок пренебрежения).

Если рассматривать семантическую сторону заимствованных лексических единиц, то можно отметить интересную деталь, связанную с этностереотипами – среди русских и польских заимствований преобладают слова, связанные со сферой работы, трудовым процессом, бытовой средой, среди турецкоязычных слов преимущественно обращения (желание вступить в беседу, привлечь внимание, заговорить), а среди итальянских заимствований основная часть служит для ведения диалога (варианты ответа на вопрос «как дела», возгласы, эмоциональный оттенок слов).

Таким образом видно, что этнические группы в Рурском регионе не стремились к обособленности, а участвовали в процессе интеграции, создавая единую культуру региона, участвуя в формировании собственного речевого варианта, передающего не только колорит местных жителей, но и подчёркивающего лингвокультурологическую и этнолингвистическую уникальность Рурского промышленного региона. Представители различных национальностей, ежедневно контактирующие между собой в условиях обособленности от наружного мира, чем характеризуется работа на шахтах, были вынуждены найти максимально понятный для всех, удобный речевой вариант на базе немецкого языка, в формирование которого практически каждый проживающий в Рурском промышленном регионе этнос внёс свой вклад. Дальнейшее исследование может заключаться в детальном изучении произносительной стороны Рурского варианта немецкого языка, включая сравнительный анализ речи представителей разных этносов, проживающих в данном регионе.

Литература

Aring J., Butzin B. Zur Krisenbewaeltigung und Regionalentwicklung im Ruhrgebiet. Berichte zur deutschen Landeskunde, Heft 8. – Oldenburg, 1989. – 403S. *Aschauer W., Becker J., Felgentreff C.* Strukturwandel und Regionalbewusstsein. Das Ruhrgebiet als Exkursionsziel. – Potsdam, 1999. – 250S. *Bellmann G.* Probleme des Substandards im Deutschen. Aspekte der Dialekttheorie. – Tubingen, 1983. – S.105-130. *Blotevogel H.* Die Metropolregion Rhein-Ruhr. In: *Propositum. Vorträge, Berichte, Manuskripte, Heft 4.* – Coesfeld, 1998. – S. 3-16. *Busch F.* Chronik Ruhrgebiet. 2. Aufl. – Munchen: Chronik Verlag, 1997. – 200S. *Butzin B.* Zur Zukunft des Ruhrgebietes – Materialien einer Spurensuche. In: *Materialien zur Raumordnung Bd. 50.* – Bochum, 1998. – S. 4-12. *Dege W., Dege W.* Das Ruhrgebiet. – Kiel: Hirt, 1980. – 184S. *Eliot T.* Zum Begriff der Kultur. – Frankfurt a.M., 1961. – 159S. *Janosa F.* Der Ruhrpott pauschal. – Frankfurt a.M., 1998. – 111S. *Mihm A.* Die Realitat des Ruhrdeutschen. Soziale Funktion und sozialer Ort einer Sprache. – Essen: Klartext Verlag, 1995. – S. 15-34. *Strubelt W.* Modernisierung als standiger Prozess. Regionen zwischen Beharrung und Aufbruch. In: *Informationen zur Raumentwicklung.* – Bonn, 1999. – S. 183–193. *Tenfelde K.* Das Ruhrgebiet und Nordrhein-Westfalen. Das Land und die Industrieregion im Strukturwandel der Nachkriegszeit. In: *Die Entdeckung des Ruhrgebiets.* – Essen, 1997. – S. 24-40. *Wiel P.* Wirtschaftsgeschichte des Ruhrgebiets. Tatsachen und Zahlen. – Essen: Siedlungsverband Ruhrkohlebezirk, 1970. – 285 S.

ВОЛКОВА С.В.*(Херсонський дер. ун-т)*

**АРХЕТИПНІ ОБРАЗИ
ІНДІАНСЬКИХ ТА АФРОАМЕРИКАНСЬКИХ КАЗОК**

The article focuses on the studying the peculiarities of images in the tales of Indians and Afro-Americans from a linguistic-cognitive perspective. It aims at revealing conceptual models and archetypes reconstructed from animal images. Special attention is given to analyzing the problem of choosing the images of animals as generalizing ones and their common archetype TRICKSTER.

Key words: *linguistic-cognitive analysis, archetype, image structure, trickster.*

Текст казки є предметом дослідження різних наукових напрямів. Він перебуває у фокусі лінгвістичних студій, де вивчається структурний (Ю.М. Лотман, О.Ж. Греймас, К. Бремен, Х. Ясон), лінгвопрагматичний (Н.В.Мастилко), лінгвостилістичний (Т.В. Доброничька, О.Д. Нефьодова), лінгвокогнітивний (Н.Ф. Єремеева, Ю.В. Мамонова, К.П. Єсипович) аспекти казки, а також літературознавства (Н.М. Ведерникова, О.М. Веселовський, Р.М. Волков) та фольклористики (В.Я. Пропп, Є.М. Мелетинський).

Мета даної роботи полягає у лінгвокогнітивному аналізі архетипних образів індіанських і афроамериканських казок. З огляду на сформульовану мету ставимо завдання осмислити сучасні підходи до вивчення образної системи фольклорних текстів, зіставити лінгвістичні особливості типових для індіанців та афроамериканців казкових образів тварин, а також з'ясувати особливості актуалізації ключових